

СССР: РАКУРСЫ НЕРАВЕНСТВА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2021. № 2. С. 7–12.

DOI: 10.47475/2542-0275-2021-0201

Проблема неравенства в условиях нэпа (на примере кризиса 1923 г.)

А. С. Соколов

Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина, Рязань, Россия
falcon140770@yandex.ru

Одной из проблем 1920-х гг. в условиях восстановления хозяйства стали противоречия в развитии города и деревни, разница в социально-экономическом обеспечении крестьян и городских рабочих. Под влиянием различных причин в 1923 г. нарушилось равновесие на рынке, возник кризис. Он проявился как системный, став началом перехода нэпа на новую стадию создания системы государственного управления экономикой. Кризис способствовал усилению социального неравенства в обществе, негативно отразился на уровне жизни и быта рабочих, крестьян и служащих. По мере нарастания кризисных явлений в нэповской системе в общественных настроениях наблюдалась поляризация позитивных и негативных оценок нэпа. Нэп и рынок составляли негативный ассоциативный ряд наряду с неравенством и бедностью. Осуществление партийным руководством политики «диктатуры финансов» (сжатие эмиссии и ограничение кредитов для промышленности) способствовало ослаблению кризиса к концу 1923 г. Были восстановлены торговые связи между городом и деревней. Кризис дал толчок мероприятиям, направленным на свертывание рынка. Усилившиеся административные методы обнаружили социально-экономические противоречия развития нэповской экономики.

Ключевые слова: *кризис, новая экономическая политика, социальное неравенство, государственное регулирование, крестьянство, финансы.*

Провозгласив переход к нэпу, большевики стремились создать союз между рабочим классом и крестьянством, осуществить смычку города и деревни. Под этим углом зрения рассматривались и экономические мероприятия, проводимые в начале 1920-х гг. Для сознания значительной части населения России рынок и социальное равенство являлись понятиями противоположными. Нэп не был бескризисной моделью. Противоречивая структура рынка способствовала тому, что к концу 1923 г. он стал играть дестабилизирующую роль, что подтолкнуло государство к форсированному вмешательству в экономику. Это привело к возникновению системного кризиса в стране [Орлов: 2021, с. 15].

Осенью 1922 г. в состоянии денежного обращения страны явно обнаружился перелом. Червонец, банковский билет, выпущенный Госбанком в обращение в октябре 1922 г., завоевал значительную сферу народнохозяйственной жизни, став чрезвычайно популярной денежной единицей. Банковские билеты заняли почти все сферы крупного и среднего денежного оборота, оставив прежним обесцениваю-

щимся денежным знакам (совзнакам) лишь мелкие платежи. Однако если город пользовался устойчивой валютой, то крестьянская экономика продолжала опираться на обесценивающийся совзнак. Неравномерность пользования различными деньгами приводила к выкачиванию средств из деревни. Деревня не располагала достаточными средствами, чтобы покупать на них червонцы или получать за них товары.

К концу 1922 г. сельское хозяйство восстановилось на 37 %, а промышленность — на 25 % по сравнению с 1913 г. [Бокарев: 2006, с. 127]. Образовались «ножницы цен»: низкие цены на сельскохозяйственные товары и высокие цены на промышленные товары. Кризис цен был связан с голодом в Поволжье и на Украине. Урожай 1923 г. был сравнительно неплохим, но крестьяне не везли хлеб на рынок, рассчитывая на повышение цен. Следовательно, и купить они ничего не могли. Розничная торговля замирала, закрывались магазины частных и кооперативов. Из-за отсутствия денежных поступлений банки перестали выдавать кредиты, что вело к параличу в оптовой торговле. Крестьяне отмечали,

что платят за промышленную продукцию больше, чем прежде. В письмах, направленных в редакцию «Крестьянской газеты», они подчеркивали, что «производимый продукт крестьянина обесценен и на него ничего нельзя приобрести». Так, крестьянин деревни Корляк Вотобласти М. С. Корляков в письме, отправленном в данную газету, писал с возмущением: «Почему так дешево ценится крестьянский труд. Мы крестьяне думали с завоеванием власти рабочих и крестьян нам будет много лучше. Но по-настоящему видим, что нам приходится хуже, потому что до империалистической войны нам доступнее было покупать фабричные изделия» [Крестьянские истории..., 2001, с. 61, 63]. Несоответствие в ценах на продукты сельского хозяйства и фабрично-заводского производства влекло за собой обнищание деревни. В Ярославской губернии цены на продукты сельского хозяйства были настолько низки, что крестьянам зачастую приходилось продавать свой инвентарь для покупки наиболее необходимых товаров промышленности. Крестьяне Ставропольской губернии вынуждены были продать 35–45 пудов пшеницы, чтобы купить одну пару сапог. В Алтайской губернии крестьяне за одну корову получали ситца на 2–3 рубахи [Совершенно секретно..., 2001, с. 938, 962]. Неэквивалентный обмен приводил к разнице в социально-экономическом обеспечении крестьян и городских рабочих. Когда крестьянин не находил на рынке решения своим проблемам, он начинал замыкаться в рамках собственного натурального производства: развивать домашнее производство тканей, обуви, заниматься самогонварением [Суворова: 2001, с. 77]. Крестьяне начинали сеять только для собственного потребления, что лишало хозяйство излишков для обмена с промышленностью. Увеличение цен на хлеб и снижение цен на промтовары привело к торговому оживлению на деревенских рынках и к дефициту на ряд промышленных товаров.

Одним из факторов, усиливших разногласия между городом и деревней, являлась многочисленность налогов, уплачиваемых крестьянами. В письме, направленном в сентябре 1923 г. секретарю рязанского губкома РКП(б) И. Райтеру, отмечалось, что сложившаяся в губернии «неблагоприятная обстановка, вытекающая из продналоговых методов, приема налога натурой, внесла в некоторых селах и деревнях ненормальность, которая невольно действует с отрицательной стороны и создает натянутое настроение крестьянского населения»¹. В отчетном письме секретаря Михайловского укома РКП(б), направленном в Рязань в июне 1923 г., подчеркива-

лось, что волнующими в данный момент вопросами среди крестьянства является: каков будет налог, его размер и форма, почему фабрично-заводские товары так дороги, почему рабочие живут лучше, чем крестьяне².

Негативное отношение деревни к городу было связано и с тем, что в условиях падения покупательной способности совзнака крестьяне не могли подобно городскому населению пользоваться ежедневными котировальными бюллетенями, информацией о движении цен и сберкассами для того, чтобы уменьшить потери от падения рубля. Так, крестьянин Владимирской губернии писал в газете «Беднота»: «Но вот, что нас смущает и пугает, это невероятный рост червонца, а до червонца мы не доросли, наши же советские миллиарды с каждым днем обесцениваются, и мы приходим в отчаяние и не знаем, что делать»³.

Экономический кризис 1923 г. отрицательно сказался на развитии промышленности. Чтобы избежать «разбазаривания» промышленной продукции, большевики провели трестирование и синдицирование промышленных предприятий. Всего в 1922–1923 гг. было создано 20 синдикатов и особых бюро синдикатов (конвенций) [Белоусов: 2000, с. 279]. Тресты и синдикаты быстро взвинтили цены, вызвав осенью 1923 г. «кризис сбыта» промышленных товаров. Причины этого кризиса были порождены сложностями и противоречиями осуществления новой экономической политики. Можно согласиться с мнением, что кризис 1923 г. можно считать кризисом перепроизводства только внутри промышленно-городского цикла, а с точки зрения всего народного хозяйства в целом — кризисом недопроизводства и недопотребления [Россия нэповская: 2002, с. 156]. В ряду факторов, поставивших промышленность и торговлю перед лицом кризиса осенью 1923 г., следует выделить просчеты торговых органов. Руководство, ориентируясь на осеннее оживление в торговле, не приняло в расчет того обстоятельства, что крестьянин предпочтет вначале внести единый сельхозналог, а потом торговать. Кроме того, задержка кредитов на хлебозаготовки привела к их позднему развертыванию на местах. Сыграло свою роль и желание промышленности произвести побольше товаров на осеннее оживление торговли, связанное во многом с реализацией урожая. «Заминки» в сбыте и временная приостановка роста промышленности объяснялась и ошибками кредитной политики: усиленное кредитование трестов червонцами под товарное обеспечение позволило им продолжать

¹ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1004. Л. 19.

² ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1000. Л. 2.

³ Беднота. 1923. 30 ноября.

производственную деятельность без реализации, поскольку они стремились максимально использовать выгодную для себя конъюнктуру. С сентября началось ускоренное сокращение банковских кредитов. Если весной и летом 1923 г. промышленность ежемесячно расширяла объемы своего кредитования на 18–19 млн руб., то в сентябре и октябре промышленность получила всего 6 млн руб. Такую политику предприятия расценивали как сжатие кредитов. Финансовое положение промышленности ухудшилось. Под влиянием финансовых трудностей многие предприятия сократили заготовку топлива, сырья, материалов. Без кредитной помощи многие торговые предприятия оказались не в состоянии платить по своим векселям, эти неплатежи повлекли за собой ухудшение финансового положения их кредиторов — промышленных предприятий, это в свою очередь привело к задержкам выплаты зарплаты [Голанд: 2006, с. 510]. Вот что пишет о том периоде Н. Валентинов: «Не сбывая свою продукцию, фабрики, переведенные с введением Нэпа на коммерческий расчет, не имели денег, чтобы выплачивать заработок рабочим, а если платили его, то падающими в своей ценности ничего не стоящими, так называемыми совзнаками. Положение рабочих стало нестерпимым» [Валентинов: 1991, с. 20]. Сохранялась большая задолженность предприятий рабочим, выдача зарплаты задерживалась на два-три месяца. Потеря заработков уральских металлургов от падения курса рубля в 1923 г. составила треть [Нарский: 2001, с. 343].

Кроме внутренних факторов, важную роль в образовании и развитии хозяйственного кризиса сыграла сложная внешнеполитическая обстановка. В связи с правительственным кризисом в Германии в августе 1923 г. руководство РКП(б) решило оказать финансовую помощь немецким рабочим. Были увеличены вдвое военные расходы, что привело к дальнейшему росту объемов эмиссии бумажных денег. Из-за политических осложнений с Англией ряд крупных советских организаций не смогли экспортировать свои товары в Великобританию. Это привело к потерям их оборотных средств и прекращению экспорта.

Помимо роста цен и задержки с выплатой жалованья недовольство рабочих вызывали и другие финансовые потрясения нэпа. Рабочие возмущались дороговизной товаров, высокой инфляцией, выдачей части зарплаты облигациями золотого и хлебного займа, обменять которые на деньги в банке было трудно и которые сдавались спекулянтам по пониженной цене. Сдержанно восприняли рабочие введение общегражданского налога в 1923 г. Коммунисты одного из крупнейших заводов Петрограда — Нового Лес-

нера — даже предложили перенести его на лиц, «живущих за счет чужого труда, это нэпманов и других захребетников» [Яров: 2014, с. 286]. На ухудшение материального положения рабочих, усиление экономического неравенства в раннесоветском обществе повлиял «разменный кризис», вызванный недостатком мелких денег в обращении. Л. Н. Юровский так характеризовал сложившуюся ситуацию в хозяйстве страны к концу лета 1923 г.: «Этот кризис принял самые острые и тяжелые формы, и ликвидация его оказалась столь трудным делом, что в сущности он так и не был ликвидирован валютными мероприятиями, а был только постепенно изжит, благодаря тому, что с ослаблением хода заготовок хлебов сократился сам собою спрос на мелкие купюры бумажно-денежных знаков» [Юровский: 2008, с. 325]. «Разменный кризис» негативно сказался на уровне заработной платы рабочих. Так, на Урале, в связи с недостатком кредитных учреждений, рабочие разменивали червонцы на совзнаки у спекулянтов, которые брали до 30 % комиссионных¹. Определенное недовольство населения было вызвано тем, что осенью 1923 г. было принято постановление о выплате 10 % зарплаты облигациями выигрышного займа. «Разменный кризис» резко сказался в местах хлебных заготовок, куда были направлены большие партии червонцев. Например, затруднения с разменом приняли в Самаре такой характер, что в случае уплаты за хлеб совзнаками делалась десятипроцентная скидка с цен². В создавшихся условиях в отдельных регионах страны стали появляться суррогаты мелких денег (боны, талоны, знаки). В связи с создавшимся положением Наркомат финансов вынужден был издать распоряжение о беспрепятственном размене во всех кассах червонцев на совзнаки и образование разменных фондов не только во всех губернских городах, но и при уездных финотделах. Такое постановление означало неизбежность прорыва эмиссионного лимита совзнаков.

Неравенство в рабочей среде наблюдалось и в сфере заработной платы, связанной с разницей в ставках различных категорий. Так, в Белоруссии зарплата рабочих колебалась между 5 и 50 товарными рублями. Сильно волновала рабочих наблюдаемая обеспеченность администрации. В Витебской и Ярославской губерниях недовольство вызывалось высокими тарифными ставками администрации и ее комфортабельным образом жизни [Совершенно секретно..., 2001, с. 910, 935]. В условиях экономического кризиса сильный антагонизм наблюдался между спецами и рабочими. В письме секретаря Спасского укома

¹ Экономическая жизнь. 1923. 20 октября.

² Экономическая жизнь. 1923. 12 октября.

РКП(б), направленном в рязанский губком в июле 1923 г., отмечалось, что солидные оклады лицам интеллектуального труда (кассир, счетовод), дают им возможность проникать на предприятия, «вытесняя чисто рабочую среду... сытая жизнь данных спецов возмущает рабочих»¹. Противоречие между обещаниями властью справедливости, всеобщего равенства и реальной жизнью усугубляло асимметричность экономических и социальных факторов в общественных настроениях. Хроническая бедность и страх оказаться за воротами предприятия вызывали у рабочих чувство незащитности перед произволом государственной машины.

Нехватка промтоваров стала одним из факторов, который сдерживал предложение хлеба государству. К декабрю 1923 г. кризис начал смягчаться, что отразилось на некотором оживлении торговли и кредита. Однако частичное оживление сбыта в этот период было связано с усилением активности частного торгового капитала, бросившего крупные наличные средства на закупку товаров промышленности [Россия нэповская: 2002, с. 159]. Усиленная казначейская эмиссия, сыграв свою роль в преодолении «кризиса сбыта», привела к дальнейшей инфляции денежного рынка. Осуществленная в 1924 г. финансовая реформа дала населению уверенность в повышении своего жизненного уровня. Реформа уничтожила «валютную стену» между городом и деревней, укрепила экономический союз рабочего класса и крестьянства.

Практика конца 1923 — начала 1924 г. показала, что ставка на «диктатуру финансов» (ограничение

кредитов для промышленности) и на «диктатуру торговли» (укрепление товарной смычки через снижение цен) решила проблему оздоровления рынка лишь на короткое время [Суворова: 2001, с. 78]. Быстрое введение твердой валюты стимулировало рост товарооборота, но положительный эффект оказался кратковременным. Потребители, вкладывая деньги в устойчивую валюту, воздерживались от покупок, тем самыми оказывая дополнительное давление на промышленность. Вновь возник товарный голод. Повышение сельскохозяйственных и снижение промышленных цен лишь временно сняло проблему «кризиса сбыта», но не устранило опасность «качелей» в деле ценообразования. Недород 1924 г, хозяйственный кризис 1925 г., товарный голод 1927 г. свидетельствовали о кризисе нэпа. Экономические потрясения второй половины 1920-х гг., обусловленные внутренними и внешними факторами, усугубляли социальное неравенство в обществе. Сквозь призму различий в экономическом уровне жизни формировались противоречия между крестьянами и рабочими, населением и местной властью, трудящимися и администрацией предприятий, крестьянами и частными владельцами. Нэп и рынок составляли в сознании граждан негативный ассоциативный ряд с бедностью, неравенством, безработицей [Лившин: 2004, с. 231]. Нэповская экономика отличалась нестабильностью, что не могло не сказаться на массовом сознании. Периодические кризисы не давали возможность решить насущные социально-экономические проблемы города и деревни, что в конечном итоге способствовало свертыванию нэпа.

¹ ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1003. Л. 4.

Список литературы

1. Белоусов, Р. А. Экономическая история России: XX век. Кн. II / Р. А. Белоусов. — М. : ИздАТ, 1999. — 424 с.
2. Бокарев, Ю. П. Нэп как самоорганизующая и саморазрушающаяся система / Ю. П. Бокарев // Нэп: экономические, политические и социокультурные аспекты. — М. : РОССПЭН, 2006. — 544 с. — С. 121–133.
3. Валентинов, Н. В. Наследники Ленина / Н. В. Валентинов. — М. : Терра, 1991. — 240 с.
4. Голанд, Ю. М. Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924 / Ю. М. Голанд. — М. : Экономика, 2006. — 630 с.
5. Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах / сост. С. С. Крюкова. — М. : РОССПЭН, 2001. — 232 с.
6. Лившин, А. Я. Общественные настроения в Советской России 1917–1929 гг. / А. Я. Лившин. — М. : Университетский гуманитарный лицей, 2004. — 272 с.
7. Нарский, И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 г. / И. В. Нарский. — М. : РОССПЭН, 2001. — 632 с.
8. Орлов, И. Б. Нэп как антикризисная политика / И. Б. Орлов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2021. — № 2 — С. 9–22.
9. Россия нэповская / под ред. акад. А. Н. Яковлева. — М. : Новый хронограф, 2002. — 446 с.

10. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934) / отв ред. Сахарова А. Н., Христофоров В. С. — Т. 1. Ч. 2. — М. : ИРИ РАН, 2001. — 1104 с.
11. Суворова, Л. Н. Политическая власть, государство и рынок в 1920—1923 годы / Л. Н. Суворова // Нэп в контексте исторического развития XX века. — М. : ИРИ РАН, 2001. — 316 с. — С. 57–85.
12. Юровский, Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917—1927). Избранные статьи / Л. Н. Юровский. — М. : Экономика, 2008. — 592 с.
13. Яров, С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. / С. В. Яров. — М. : Полит. энцикл., 2014. 375 с.

Сведения об авторе

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина. Рязань, Россия. *falcon140770@yandex.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 2. P. 7–12.

The problem of inequality in the conditions of the NEP (the case of the crisis in 1923)

A.S. Sokolov

*Department of History, philosophy and law,
Ryazan State Radio Engineering University named after V.F. Utkin. Ryazan, Russia.
falcon140770@yandex.ru*

One of the problems of the 1920s, in the conditions of economic recovery, was the contradictions in the development of the city and the village, the difference in the socio-economic provision of peasants and urban workers. Under the influence of various reasons, in 1923, the balance in the market was disturbed, and a crisis arose. It appeared as a systemic one, becoming the beginning of the transition of the NEP to a new stage of creating a system of state management of the economy. The crisis contributed to the strengthening of social inequality in society and had a negative impact on the standard of living and everyday life of workers, peasants and employees. As the crisis phenomena in the NEP system increase, there is a polarization of positive and negative assessments of the NEP in public sentiment. NEP and the market formed a negative associative series along with inequality and poverty. The “dictatorship of finance” policy by the party leadership (compression of emissions and restriction of loans for industry) had weakened the crisis by the end of 1923. They restored trade relations between the city and the countryside. The crisis gave an impetus to measures aimed at curtailing the market. The increased administrative methods revealed the socio-economic contradictions of the development of the NEP economy

Keywords: *crisis, new economic policy, social inequality, state regulation, peasantry, finance.*

References

1. Belousov R.A. *E'konomicheskaya istoriya Rossii: XX vek. Kn. II* [Economic History of Russia: the twentieth century. Book II]. Moscow, 1999. 424 p. (in Russ.)
2. Bokarev Yu.P., *Ne`p kak samoorganizuyushhaya i samorazrushayushhayasya sistema* [Nep as a self-organizing and self-destructive system]. *Ne`p: e'konomicheskie, politicheskie i sociokul`turny`e aspekty`*. Moscow, 2006. Pp. 121–133. (in Russ.)
3. Valentinov N.V. *Nasledniki Lenina* [Lenin's heirs]. Moscow, 1991. 240 p. (in Russ.)
4. Goland Yu.M. *Diskussii ob e'konomicheskoy politike v gody` denezhnoy reformy` 1921—1924* [Discussions about economic policy during the years of the monetary reform of 1921–1924]. Moscow, 2006. 630 p. (in Russ.)
5. Kryukova S.S. (Edc.) *Krest`yanskie istorii: Rossijskaya derevnya 20-x godov v pis`max i dokumentax* [Peasant stories: A Russian village of the 20s in letters and documents]. Moscow, 2001. 232 p. (in Russ.)

6. Livshin A.Ya. *Obshhestvenny`e nastroyeniya v Sovetskoj Rossii 1917—1929 gg.* [Public sentiment in Soviet Russia 1917–1929]. Moscow, 2004. 272 p. (in Russ.)
7. Narskij I.V. *Zhizn` v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917—1922 g.* [Life in a catastrophe: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922]. Moscow, 2001. 632 p. (in Russ.)
8. Orlov I.B. Ne`p kak antikrizisnaya politika [Nep as an anti-crisis policy], in: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2021, no. 2, pp. 9–22. (in Russ.)
9. Yakovlev A.N. (Edc.). *Rossiya ne`povskaya.* [NEP Russia]. Moscow, 2002. 446 p. (in Russ.)
10. Saxarov A.N., Xristoforov V.S. (Edc.). «Sovershenno sekretno»: Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922—1934) [«Top secret»: Lubyanka — To Stalin about the situation in the country (1922–1934)]. Moscow, 2001. 1104 p. (in Russ.)
11. Suvorova L.N. Politicheskaya vlast`, gosudarstvo i ry`nok v 1920—1923 god [Political power, the state and the market in 1920–1923]. *Ne`p v kontekste istoricheskogo razvitiya XX veka.* Moscow, 2001. Pp. 57–85. (in Russ.)
12. Yurovskij L.N. Denezhnaya politika Sovetskoj vlasti (1917—1927). Izbranny`e stat`i. [Monetary policy of the Soviet government (1917–1927). Selected articles]. Moscow, 2008. 592 p. (in Russ.)
13. Yarov S.V. Chelovek pered liczom vlasti. 1917—1920-e gg [A man in the face of power. 1917–1920s.]. Moscow, 2014. 375 p. (in Russ.)